

Цин Янь настолько окаменел от ужаса и потрясения, что Цю Хэнянь отвел его в дом тети Ли. Услышав, что произошло, тетя Ли не смогла сдержать слез. Она знала, как нелегко двум детям было собирать деньги, и понимала, что теперь все, что у них было, украдено. Качая головой и утирая глаза, она горько повторяла:

— Какой же это бессовестный человек! Настоящий злодей, да еще такой безжалостный!

Лицо Цин Яня оставалось мертвенно-бледным. Тетя Ли поспешно налила ему горячей воды, чтобы он немного согрелся и пришел в себя. Лишь после того, как он выпил воду, в его глазах появился слабый проблеск осознания.

Через некоторое время в дверь постучала У Цюнянь. Войдя, она сразу обратилась к Цин Яню:

— Второй брат все мне рассказал. Он просил, чтобы я пришла поговорить с тобой. Не волнуйся слишком сильно. Эти наемные работники все местные, из соседних деревень. Как говорится, монах может сбежать, но храм — нет. Второй брат и остальные обязательно найдут их и вернут.

Говоря это, она тяжело вздохнула, упрекая себя:

— Это все моя вина. Я плохо выбрала людей, и теперь твоя семья пострадала.

Цин Янь покачал головой и сказал:

— Никак нельзя винить тебя. Как говорится, лицо человека знаешь, а сердце — нет. Мы ведь хорошо знали этих наемников, кто бы мог подумать, что они на такое способны? Только бы они далеко не ушли и мы смогли их найти.

После разговора Цин Янь начал понемногу выходить из своего состояния шока и отчаяния. Он думал про себя: даже если все потеряно, деньги — это лишь материальное. Если придется, начнем все сначала. Мы молоды, у нас есть силы и здоровье, так что можно заработать заново.

Не прошло и часа после этих слов, как жена Лю Фа вбежала в дом, с тревогой на лице сообщив:

— Их поймали! Сейчас они в доме старосты деревни!

Все немедленно устремились к дому старосты.

Когда они подошли, то увидели, что дверь дома была плотно заперта. После нескольких стуков в дверь ее приоткрыл супруг старосты, посмотрел через щель и, узнав их, впустил. Однако дверь за ними снова крепко заперли.

В комнате находились сам староста, его два старших сына, братья из семьи Лю, а также Цю Хэнянь. Перед ними ровной шеренгой стояли четверо работников, которых наняли Цин Янь и У Цюнянь.

Когда Цин Янь и остальные вошли в дом, Цю Хэнянь быстро окинул его взглядом, проверяя лицо и общее состояние. Убедившись, что Цин Янь выглядит гораздо лучше, чем когда уходил, он перевел взгляд на стоявших перед ним четверых.

Старший из работников выглядел напряженным, но говорил четко и уверенно:

— Вы можете расспросить в округе, в десяти ли вокруг, — мою семью всегда уважали за ученость. Мы обеднели, и я был вынужден стать поденным работником, но принципы чести и стыда мне известны. За десять лет работы я ни разу не взял чужого ни гроша, ни разу не ленился и не уклонялся от обязанностей. Если я виноват в этом, пусть меня поразит небесная кара и сожжет молния!

Остальные трое тоже попытались оправдаться в том же духе. Однако самый молодой из них явно нервничал: его глаза блуждали, плечи вздрагивали от громких слов, и он выглядел крайне обеспокоенным. Когда дошла очередь до него, он начал сбивчиво говорить:

— Я... я не крал... деньги. Вы можете поспрашивать в соседней деревне. Я обычно подрабатываю в городе, а в сезон нанимаюсь на сельскую работу. Никогда раньше не воровал у хозяев.

Цю Хэнянь внезапно задал вопрос:

— Я нашел тебя в трактире в городе. Ты ушел из деревни Люси и сразу пошел пить?

Молодой работник опустил глаза и кивнул, не поднимая головы.

— Остальные трое вернулись домой. Почему ты не пошел? — продолжил расспрашивать Цю Хэнянь.

Работник, замявшись, ответил:

— У них есть жены, а у меня нет. Я... я хотел сходить в Мэйхуа-гун, в городскую гостиницу. Там есть одна женщина, которая мне понравилась, но она стоит два лян серебра, и я пожалел денег. Тогда я пошел выпить.

На этих словах он вдруг поднял голову и, словно осмелев, добавил:

— Ходить к женщинам и пить — не преступление! Почему вы схватили меня? Я хочу домой!

Он резко повернулся и направился к двери, намереваясь уйти.

Но в тот же миг из-за спины метнулась фигура, и раздался звук удара. Молодой работник, вскрикнув, рухнул на пол. Это был Цю Хэнянь. Он убрал ногу, которой только что выбил его из равновесия, наклонился и с силой дернул за полы верхнего халата парня. Ткань с треском разорвалась, обнажив спрятанный у него на животе узел.

Цю Хэнянь вытащил сверток. Работник, стиснув зубы от боли, вскочил и бросился отнимать его, но Цю Хэнянь ловко увернулся.

Сверток оказался легким, совсем не похожим на серебро, и это озадачило Цю Хэняня. Он развернул ткань, и часть содержимого вывалилась наружу. На мгновение он застыл, осознавая, что перед ним. Остальные, стоявшие рядом, не успели понять, что произошло; многие даже не разглядели, что было внутри. Однако Цю Хэнянь тут же сжал сверток в руке, а затем, внезапно охваченный яростью, начал со всей силы пинать молодого работника, который корчился на полу

Лю Фа, стоявший ближе всех к нему, очевидно, ясно видел содержимое тканевого свертка. Он замер на мгновение, а затем, бросив взгляд на Цю Хэняня, словно понял, в чем дело. Поспешно преградив ему дорогу, он воскликнул:

— Успокойся! Его, конечно, надо наказать, но если убьешь человека, придется отвечать за это своей жизнью!

Только теперь остальные начали приходить в себя и бросились к Цю Хэняню, чтобы остановить его. Однако сила у Цю Хэняня была огромной, и он, даже таща за собой несколько крепких молодых мужчин, продолжал двигаться вперед. Он еще несколько раз ударил ногой молодого работника, лежавшего на земле. Все прекратилось лишь тогда, когда Цин Янь, пробравшись вперед, обхватил его, встревожено и испуганно взглянув ему в лицо. Цю Хэнянь, тяжело дыша, с пылающими от ярости глазами, наконец остановился. Тем временем Лю Фа подошел к старосте деревни и что-то тихо шепнул ему. Староста мгновенно понял суть происходящего, и, обращаясь ко всем, сказал:

— Остальные пусть выйдут. Мне нужно поговорить с Хэнянем. Лю Фа, ты тоже останься.

Все, включая трех наемных работников, испуганных до такой степени, что они даже не решались подать голос, покинули дом. Цин Янь, слегка сжав запястье Цю Хэняня в успокаивающем жесте, подарил ему легкую, утешительную улыбку. Тот ответил слабой улыбкой, и только тогда Цин Янь смог спокойно выйти.

Как только Цин Янь ушел, лицо Цю Хэняня сразу потемнело.

В доме остались Цю Хэнянь, Лю Фа, староста, а также лежащий на полу молодой наемный работник, продолжавший стонать от боли. Разговор внутри шел на пониженных тонах, и

ничего нельзя было разобрать. Только иногда слабо доносились приглушенные, словно предсмертные, крики.

Снаружи Цин Янь с беспокойством ждал, вспоминая момент, когда, обхватив Цю Хэняня, он коснулся того, что тот крепко сжимал в ладони. Внутри было что-то холодное, скользкое, на ощупь напоминающее ткань. Это ощущение было знакомым, но он никак не мог вспомнить, что это могло быть.

Только когда время ужина давно прошло, дверь дома наконец открылась. Молодого наемного работника, связанного по рукам и ногам, отвели в сарай для дров и заперли там.

Старший из работников, заметив это, с сочувствием на лице хотел что-то сказать, но староста его опередил:

— Завтра утром отправимся в ямен. Тогда все станет ясно.

В ту ночь Цин Янь остался в пустующей комнате у тети Ли, а Цю Хэнянь остался дома и переночевал в комнате Кузнеца Вана.

Когда ночь погрузилась в тишину, Цю Хэнянь достал спрятанный днем сверток. Развернув его, он увидел, как на пол упало гладкое, белоснежное нижнее белье.

Цю Хэнянь, опустив взгляд, внимательно разглядывал его. Это было то самое белье, которое он купил для Цин Яня ранней весной, выбрав в лавке две вещи: одну белую, другую бледно-желтую.

У Цин Яня кожа была нежная, и грубая ткань одежды, которую он носил, часто натирала его до красноты. Шелковое белье стоило недешево, и в то время, когда денег в доме было немного, Цю Хэнянь все откладывал покупку. Лишь немного поправив семейные дела, он сразу же купил эти вещи, чтобы Цин Янь мог их носить.

Кожа Цин Яня от природы была белой, а в этом белье выглядела еще более прозрачной, словно фарфор. В свете лампы его кожа отливала жемчужным блеском, а мягкая, прохладная ткань послушно облегла его хрупкое тело. Цю Хэнянь не мог сосчитать, сколько ночей он держал в объятиях своего нежного супруга, проводя широкой рукой по его шее, затем по позвоночнику вниз. Цин Янь, обнимая его за шею и уткнувшись лицом ему в ключицы, тихо постанывал, словно котенок.

В руках Цю Хэняня нижнее белье смялось, потеряв свою форму.

Когда он думал о том, как тот наемный работник украл это белье и принес его в злачное место — Мэйхуа-гунь, мысли о том, что он мог бы сделать с ним там, заставляли глаза Цю Хэняня налиться кровью.

Если бы об этом узнали жители деревни, сплетен и грязных домыслов не избежать. Цю Хэнянь скрывал этот случай, чтобы Цин Янь не узнал и не огорчился. Те немногие, кто знал, были людьми надежными и сдержанными, так что он мог быть спокоен, а наемный работник после его наказания и сам не осмелился бы рассказать лишнего.

Подумав об этом, Цю Хэнянь встал и бросил нижнее белье вместе с тканевым свертком в горящий очаг. Легкая ткань мгновенно превратилась в пепел. Завтра он купит такую же вещь и положит ее обратно в шкаф, чтобы Цин Янь никогда не узнал об этой истории.

На следующее утро, когда на улице только-только начало светать, Цю Хэнянь вместе с Лю Фа и его братом отправились в уездный центр. Вернувшись, они привели с собой двух служащих из местной управы.

Ямэньские служащие сначала приступили к допросу молодого наемного работника. Хотя за обедом только он один уходил из-за стола на некоторое время, тот упорно отрицал свою причастность к краже денег.

Тогда служащие направились к месту происшествия для осмотра. Они тщательно проверили ящики под кроватью, осмотрели ее нижнюю часть и все углы комнаты. Кроме того, они внимательно исследовали окна, двери дома и двора.

Один из служащих задал вопрос:

— Вчера в доме всегда кто-то находился?

Цю Хэнянь ответил:

— Утром я был в своей кузнице, мой супруг ходил на рынок в городе, пробыл там, наверное, около часа.

Тот служащий повернулся к Цин Яню:

— Когда вы вернулись, не заметили ли чего странного? Были ли двери и окна заперты?

Цин Янь кивнул:

— Да, ничего необычного не заметил.

После этого двое служащих переговорили между собой и сказали:

— Подозрение на этого наемного работника очень велико. Мы заберем его в уездную управу. Пусть сейчас отрицает, но, оказавшись под пыткой, не пройдет и нескольких часов, как он все признает!

С этими словами они направились к дому старосты, чтобы забрать подозреваемого.

Однако в этот момент один из служащих, шедший впереди, внезапно остановился и удивленно воскликнул:

— Э?

Он наклонился и поднял с земли у входной двери кусок бумаги.

Другой служащий тут же распахнул ворота и поспешил наружу, пытаясь догнать возможного отправителя записки.

Тем временем первый служащий, держа бумагу в руках, начал вслух читать написанное:

— «Вчера утром, ближе к часу змеи (около 9-11 часов), я видел, как кто-то перелез через западную стену этого двора. На его поясе висел тканевый мешок. Этот человек печально известен в деревне своей дурной репутацией. Боясь мести, я до сих пор не решался никому рассказать. Однако, мучимый совестью, оставляю эту записку. Прошу не разыскивать меня».

Внизу было дописано короткое пояснение:

— «Я видел, что это был старший сын из дома Ван, живущий на востоке деревни, Ван Хэяо».

Цю Хэнянь и Цин Янь, стоявшие рядом, внимательно прочитали каждую строчку.

Стиль и способ передачи записки казались знакомыми. Глаза Цин Яня скользнули по почерку, и перед его мысленным взором возникло воспоминание: совсем недавно он учил одного человека писать, тщательно выводя буквы одну за другой. Веки его слегка дрогнули, и он резко поднял взгляд на Цю Хэняня.

Тот, заметив его пристальный взгляд, перевел взгляд с бумаги на Цин Яня.

Спустя мгновение Цю Хэнянь слегка покачал головой.